

УДК 338(091)

doi: 10.20310/1819-8813-2017-12-6-514-519

«АГРАРНЫЙ ВОПРОС» В РОССИИ В ДООКТАБРЬСКИЙ ПЕРИОД

САЯПИН АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, e-mail: warum72@mail.ru

В статье рассматриваются социально-экономические истоки революционных событий 1917 г. в России с позиций влияния на революционную ситуацию проблем аграрного перенаселения и консервации в аграрной экономике полукрепостнических отношений. Исследование основано на гипотезе о том, что специфика решения аграрного вопроса определяла темпы и характер генезиса метainститута рынка в отдельных странах, основу которого составляли рынки факторов производства. Взаимосвязанные процессы формирования рынка земли, капитала и рабочей силы могли существенно деформироваться под влиянием традиционных институтов и охранительной политики государства. Установлено, что решение аграрного вопроса в России в дооктябрьский период было связано с разрешением противоречий как внутри общины (выбор между стабильностью и эффективностью), так и между общиной и помещичьим классом (проблема консолидации земли в руках более эффективных собственников). Разрешение данных противоречий и, прежде всего, решение задачи перехода от передельно-общинного к подворно-общинному землевладению как переходной институциональной форме, предшествующей утверждению частной собственности на землю, не получило системной поддержки со стороны царской администрации. Автор приходит к выводу, что нерешенность аграрного вопроса в России накануне 1917 г. была обусловлена, с одной стороны, глубоким укоренением общинного уклада в российской деревне, который до самой революции оставался главным эндогенным фактором аграрного перенаселения, и, с другой стороны, половинчатостью реформ, их непоследовательностью, проявившейся в череде реформ-контрреформ, когда царская администрация разрывалась между задачами модернизации и охранительными функциями.

Ключевые слова: аграрный вопрос, аграрное перенаселение, передельная община

События октября 1917 г. были обусловлены не только тяготами трех лет большой войны. Они вызревали на протяжении, по крайней мере, предшествующего столетия и одной из узловых проблем дооктябрьского периода социально-экономической истории России оставался аграрный вопрос.

Начало эпохи модерна в экономической области было обусловлено первоначальным накоплением. Его вторая сторона (помимо накопления капитала) связана с генезисом рынка наемного труда в процессе разложения крестьянской общины. Первоначальное накопление предполагает и решение аграрного вопроса, то есть вопроса о том, как, в чью пользу и на каких условиях будет присвоен земельный фонд. С институциональной точки зрения, это означало утверждение в ходе сложных, болезненных для общества процессов – крестьянство в прежнем смысле, как класс феодального общества, в ходе первоначального накопления перестало существовать – частной собственности на землю и земельного рынка, который в единстве с рынком капитала и наемного труда составил системообразующую основу капитализма.

История показала множество способов решения аграрного вопроса на страновом уровне. Россия изначально шла по пути, близкому к прусскому варианту. В силу исторической отсталости Германии приходилось решать одновременно и проблему первоначального накопления и проблему индустриализации. Основным источником первоначального накопления послужили выкупные платежи, связанные с отменой крепостного права. Германия является классическим примером решения аграрного вопроса в пользу землевладельцев. Прусские помещики-юнкера получили в собственность не только большую часть земельного фонда (50 % крестьян Пруссии владели земельными участками не более 1 га), но и капитализировали ренту. Известно, что выкупные платежи примерно в 20 раз превышали годовую ренту, а это значит, что капитализация обеспечивала доход на уровне 5 % годовых.

Товарное хозяйство юнкеров сочетается с полунатуральным, мелкоземельным хозяйством крестьян. Ограниченная платежеспособность мелкого крестьянства сдерживала расширение внутреннего рынка. Кризис традиционного хлебопашества вы-

звал массовый отток сельского населения за границу – в США, Латинскую Америку, Россию и поддерживал дефицит и дороговизну на рынке труда. Эти факторы сдерживали первоначальное накопление рабочей силы, но стимулировали технический прогресс. В результате расслоения крестьянства произошло перераспределение земельного фонда до размеров, дававших возможность оставшимся крестьянам вести эффективное хозяйство на основе его интенсификации.

Трагедия российской аграрной истории состояла в том, что хозяйство и среднестатистического юнкера и среднестатистического крестьянина было производительнее, чем большинство помещичьих экономий и тем более крестьянских дворов в пореформенной России. Поэтому когда наши современники вспоминают о том, как революционная Россия кормила всю Европу, нужно четко осознавать то, какой ценой она это делала.

В России на протяжении всего XIX в. и в начале XX в. главной проблемой, прежде всего, центральных великоросских губерний оставалось малоземелье. В условиях традиционного (трехпольного) хозяйства собственных наделов большей части крестьян к середине XIX в. было недостаточно для обеспечения прожиточного минимума и выполнения повинностей. К 60-м гг. XIX в. среднедушевой надел казенных крестьян сократился до 4,5 десятин. По данным П. Черменского, накануне реформы 1861 г. тамбовские помещики владели 2540, 790 тыс. десятин земли, находившейся в обороте. Из этого фонда собственно помещичьи угодья составляли 1499, 464 тыс. десятин (59 %), а земли в крестьянском пользовании – 1041, 326 тыс. десятин (41 %) [1].

Таким образом, среднедушевой надел крепостных крестьян Тамбовской губернии в середине XIX столетия составлял 3,1 десятин, и, по некоторым оценкам, за полвека сократился вдвое, а «...в сер. 1870-х - нач. 1880-х гг. самые населенные российские губернии перешли рубеж аграрного перенаселения» [2].

Социально-экономическое развитие России в пореформенный период не имеет однозначной оценки. С одной стороны, ускорилась модернизация, стали отчетливо проследиваться черты индустриального общества: завершается промышленный переворот, ускорилось расслоение крестьянства, формируется рынок труда, быстро растет численность населения промышленных городов. С другой стороны, в экономике сохранялись феодальные пережитки, которые проявлялись, во-первых, в том, что государство, исходя из военно-политических соображений, брало на себя эконо-

мические функции буржуазии. Во-вторых, и после отмены крепостного права в России сохраняется и даже укрепляется патриархальный уклад, связанный с особой ролью крестьянской общины в хозяйственной деятельности. Именно в пореформенный период институт крестьянской общины достигает пика своего влияния на жизнь сельского общества в России.

Прежде всего, сохранение общинной собственности на землю и уравнильного землепользования искажало и тормозило процесс расслоения крестьянства, которое являлось необходимым условием развития капиталистического уклада в российской деревне. Община брала на себя все функции землеустройства, главное, она осуществляла передел земли (разверстку) между крестьянскими семьями, входившими в ее состав. Большая часть общин в пореформенной России были передельными. Наряду с общим переделом применялся и текущий передел. Его задача состояла в приведении семейных наделов в соответствие с одним из принятых в той или иной местности критериев: по числу рабочих рук, либо работников-мужчин, либо мужских душ, либо семейных пар или едоков. Таким образом, крестьянская община уравнивала крестьян в вопросах землепользования, но равенство это было не абсолютное, а относительное.

Уравнильный принцип землепользования предполагал также наделение крестьян одинаковыми по качеству и местоположению земельными участками, что порождало чересполосицу. Обычно община принудительно обеспечивала трехпольный севооборот. Такой порядок землепользования практически исключал интенсификацию крестьянского хозяйства, применение более сложной агротехники. Статистика показывает, что в течение XIX-начала XX вв. проблема малоземелья, аграрного перенаселения и падения душевых доходов только усугублялись. Тамбовский историк Владимир Львович Дьячков в этой связи отмечает, что «...население российской деревни, жившей в рамках экстенсивного рутинного земледелия, росло по впечатляющей и угрожающей экспоненте. Свести эти ножницы роста населения, неизменно низкой продуктивности земледелия при исчерпании удобных земель можно было (при всех деталях) только одним из двух способов.

Первый – переход к высокопродуктивному интенсивному хозяйству с одновременным сознательным контролем за рождаемостью и планированием семьи. Так, каждый в свое время в зависимости от собственных рубежей аграрного перенаселения, сделали народы зарубежной Европы с

характерным перемещением на Восток линии этого перехода...» [2].

Поскольку центральная Россия оставалась далеко за границами этого перехода, то в ней, как крестьянской стране с глубоко укоренившимся общинным укладом, необходимо было разрешить два ключевых противоречия:

1. Противоречие внутри общины, которое обобщенно можно свести к выбору крестьянским обществом между стабильностью и эффективностью. По нашему мнению, преодоление данного противоречия было связано с решением следующих задач. Основная задача состояла в том, чтобы трансформировать производственные функции крестьянской общины. Прежде всего, требовалось обеспечить скорейший (насколько это было возможно без масштабного социального взрыва) переход от передельно-общинного к подворно-общинному землевладению, что позволяло раскрыть производственный потенциал крестьянского хозяйства даже в условиях трехпольного хлебопашества. По данным Б. Н. Миронова, еще до столыпинской реформы, т. е. в период с 1861 по 1905 гг., «около 3,7 млн дворов из 9,5 млн, или **39 % всех крестьян – членов передельных общин в 1905 г., разочаровались или не доверяли вполне пере-**

дельной общине и в большей или меньшей степени отказались от ее традиционных принципов» [3]. То есть процесс перехода от передельно-общинного к подворно-общинному земледелию шел «снизу», но так и не получил системной поддержки «сверху».

Вторая задача вытекала из первой и состояла в том, чтобы обеспечить компенсационные механизмы, которые позволяли бы той части крестьянства, которая не желала терять связь с землей, приспособиться к новым условиям роста консолидации земли и интенсификации сельского хозяйства (переселенческая политика, кооперативная политика и др.).

Сельское общество показало исключительную живучесть коллективных форм хозяйствования в России (рис. 1). Особенность кооперации в России до 1917 г. состояла в том, что она получила распространение преимущественно в сельской местности. Однако при всей массовости кооперации в ее становлении прослеживается не столько системность, институциональная инженерия государства, сколько стихийная реакция на кризисные ситуации, как это было в случае с потребительской кооперацией, которая с началом Первой мировой войны получает массовое распространение как средство борьбы со спекуляцией.

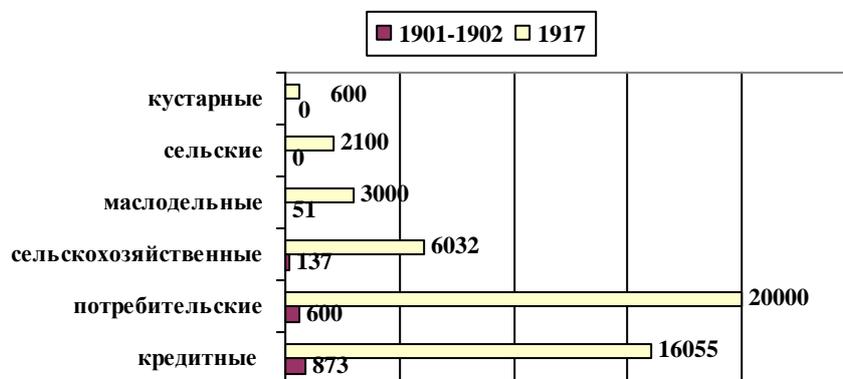

Рис. 1. Динамика развития кооперации в России (1901-1917 гг.)

В рамках социальной модернизации решение названных задач было условием выхода из ловушки малоземелья и аграрного перенаселения, в которой оказалось крестьянское общество перед революцией.

2. Противоречие между общиной и помещичьим классом. Малоземелье заставляло крестьян обращаться к аренде как главному средству перераспределения земли от помещиков к крестьянам и внутри крестьянства. Вплоть до событий Октября 1917 г. арендная плата за землю существенно превышала земельную ренту, что свидетельствовало о неразвитости поземельных отношений и сохра-

няющейся монополии помещиков, сосредоточивших после реформы 1861 г. в своих руках большой фонд частновладельческой земли.

Как видно из рисунка 2, цены на землю в черноземных губерниях были вдвое выше, чем в губерниях нечерноземной полосы. Только за последнее десятилетие XIX в., в период экономического подъема цена десятины земли увеличилась в среднем в 2 раза. Для сравнения: в начале XX в. ломовая, рабочая лошадь стоила от 70 руб., дойная корова – от 60 руб. Учитывая, что при трехполье в черноземных губерниях одна лошадь могла обработать порядка 6-7 десятин земли, капитализация крестья-

янского хозяйства до приемлемого с точки зрения сельскохозяйственного промысла уровня в 13-16 десятин земли (максимум, который могли обработать крестьянские хозяйства без привлечения наемного труда) могло обойтись малоземельным хозяйствам в несколько годовых бюджетов, что делало их укрупнение малопопулярной задачей.

Притом что к 1905 г. помещикам принадлежало только 53 млн десятин (26 млн десятин они продали крестьянам и 16 млн десятин выкуплено купцами), в условиях преобладания экстенсивного хлебопашества это не решало проблемы малоземелья и крестьяне продолжали смотреть на помещичьи земли с малоскрываемым вождением. По концентрации частновладельческой земли Россия в начале XX в. опережала все европейские страны. Источник противоречия состоял не в том, что

крупным помещичьим экономиям противостояла масса мелкоземельных крестьянских хозяйств, но в самом характере аграрных отношений, который позволяет говорить «о преобладании в сельском хозяйстве России полукрепостнических отношений над капиталистическими вплоть до конца существования царизма» [4]. Наблюдалась острая потребность в урегулировании не только отработочных, но и арендных отношений. В конце XIX-начале XX вв. крестьянами арендовалось не менее 20 млн десятин помещичьих земель, на оплату которых уходило порядка 150 млн руб., которые тратились помещиками преимущественно непроизводительно [5]. О неразвитости института земельной ренты свидетельствуют данные расчетов, представленные на рисунке 3.

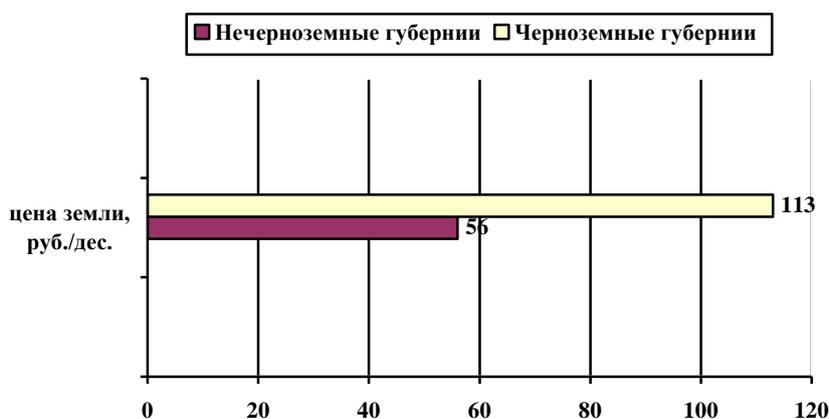

Рис. 2. Цена десятины земли в черноземных и нечерноземных губерниях России (1901 г.)

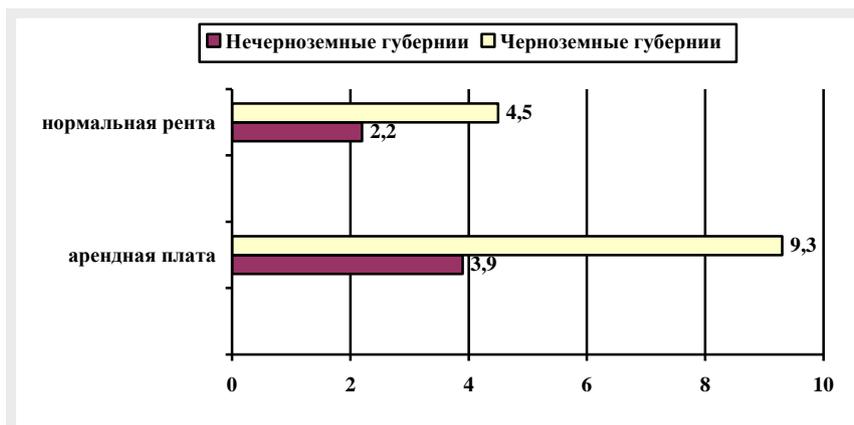

Рис. 3. Величина фактической арендной платы и «нормальной» (расчетной) ренты за десятину земли в нечерноземных и черноземных губерниях России (1901 г.).

В начале XX в. в черноземных губерниях реальная арендная плата за десятину вдвое превышала так называемую «нормальную» ренту, то есть рассчитанную методом ее капитализации. В натуральном выражении средняя арендная плата в чер-

ноземных губерниях в 1901 г. составляла 42 % процента от урожая и до войны практически не изменилась [6].

Таким образом, центральная власть пыталась решить задачи модернизации (в аграрном плане –

это развитие единого земельного рынка и консолидация сельскохозяйственных земель в руках более эффективных собственников) в обстановке обострения внутренних и внешних противоречий, поэтому столыпинская аграрная реформа стала попыткой государства «сломать о колено» передельную общину в условиях, когда время развития переходных институциональных форм (подворно-общинного землевладения) было уже упущено.

Нерешенность аграрного вопроса в России накануне 1917 г. была обусловлена, с одной стороны, глубоким укоренением общинного уклада в российской деревне, который до самой революции оставался главным эндогенным фактором аграрного перенаселения, и, с другой стороны, половинчатостью реформ, их непоследовательностью, проявившейся в череде реформ-контрреформ, когда царская администрация разрывалась между задачами модернизации и охранительными функциями, поддерживала видимость соборности, а, фактически – интересы помещичьего класса.

Литература

1. Черменский П. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии: Очерк экономики и культуры пореформенного периода. Тамбов, 1928. С. 4.
2. Дьячков В. Л. Природно-демографические циклы как фактор российской истории, XIX – первая половина XX в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв.: мат-лы Мждунар. конф. Тамбов, 2002. С. 17-31.
3. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII- начало XX вв.): монография. Т. 1. С.-Пб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. С. 481.
4. Тарновский К. Н. Социально-экономическая история России начала XX в. Аграрный вопрос: исследования и дискуссии. 1990. С. 104.

5. Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2. С. 56.
6. Неведов С. А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV-начало XX века. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. С. 371.

References

1. Chermenskij P. Ot krepostnogo prava k Oktyabryu v Tambovskoj gubernii: Oчерk ekonomiki i kul'tury poreformennogo perioda [From the serfdom to October in the Tambov province: Sketch of economy and culture of the post-reform period]. Tambov, 1928. S. 4.
2. D'yachkov V. L. Prirodno-demograficheskiye tsikly kak faktor rossijskoj istorii, XIX – pervaya polovina XX v. [Natural demographic cycles as a factor of the Russian history, XIX – the first half of the XX century] // Sotsial'naya istoriya rossijskoj provintsii v kontekste modernizatsii agrarnogo obshchestva v XVIII-XX vv.: mat-ly Mzhdunar. konf. Tambov, 2002. S. 17-31.
3. Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII- nachalo XX vv.): monografiya. T. 1 [Social history of Russia of the period of the empire (the XVIII-beginning of the XX centuries): monograph. Vol. 1]. S.-Pb.: Izd-vo «Dmitrij Bulanin», 2003. S. 481.
4. Tarnovskij K. N. Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Rossii nachala XX v. [Social and economic history of Russia of the beginning of the XX century] Agrarnyj vopros: issledovaniya i diskussii. 1990. S. 104.
5. Koval'chenko I. D. Stolypinskaya agrarnaya reforma (mify i real'nost') [Stolypin agrarian reform (myths and reality)] // Istoriya SSSR. 1991. № 2. S. 56.
6. Nefedov S. A. Demograficheski-strukturnyj analiz sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii. Konets XV-nachalo XX veka [Demographic and structural analysis of social and economic history of Russia. The end of the XV- beginning of the XX century]. Ekaterinburg: Izd-vo UGGU, 2005. S. 371.

* * *

«AGRICULTURAL QUESTION» IN RUSSIA DURING THE PRE-OCTOBER PERIOD

SAYAPIN ALEKSEY VIKTOROVICH

Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, the Russian Federation, e-mail: warum72@mail.ru

In article the author considered social and economic sources of revolutionary events of 1917 in Russia from positions of influence on a revolutionary situation of problems of agrarian overpopulation and preservation in agrarian economy of the semi-serf relations, based the research on a hypothesis that the specifics of the solution of an agrarian question determined rates and the nature of genesis of metainstitute of the market in the certain countries which basis the markets of factors of production made. The interconnected processes of formation of the market of the earth, the capital and labor could be deformed significantly under the influence of traditional institutes and guarding policy of the state. The author established that the solution of an agrarian question in Russia during the pre-October period connected with resolution of conflicts as in community (the choice between stability and efficiency), and between community and a landowner class (a problem of consolidation of the earth in hands

of more effective owners). Permission of these contradictions and, first of all, the solution of a problem of transition from redistributive-communal to household-communal land ownership as the transitional institutional form preceding the statement of a private ownership on the earth did not get system support from imperial administration. The author came to a conclusion that, on the one hand, deep rooting of communal way in the Russian village which before the revolution remained the main endogenous factor of agrarian overpopulation, and, on the other hand, incompleteness of reforms, their inconsistency shown in series of reforms counterreforms when the imperial administration broken off between problems of modernization and guarding functions caused the suspense of an agrarian question in Russia on the eve of 1917.

Key words: agrarian question, agrarian overpopulation, reefficient community

Об авторе:

Саяпин Алексей Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики и современных бизнес-процессов Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, г. Тамбов

About the author:

Sayapin Aleksey Viktorovich, Candidate of Economics, Associate Professor of the Political Economy and Modern Business Processes Department, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov